

Попытки религии в борьбе с дисгармониями человеческой природы.

Анимизм как основа первобытных религий.—Отношение еврейской религии к верованию в бессмертие души.—Китайские религии.—Почитание предков в религии Конфуция.—Представление бессмертия в религии таоистов.—Бессмертие души в религии буддистов.—Рай китайских буддистов.—Почитание предков наравне с богами.—Влияние религиозных верований на страх смерти.—Пессимизм учения Будды.—Значение Nirваны.—Смирение, проповедуемое Буддой.—Возражения против бессмертия души.—Чувствительность клеток нашего организма.—Религиозная гигиена.—Приемы религий в регулировании воспроизводительной функции и сохранения здоровья.—Неуспех религий в борьбе с дисгармониями человеческой природы.

Человечество не могло ждать научного выяснения дисгармоний нашей природы для борьбы с ними. Желание жить, сохранить здоровье, удовлетворять инстинктам и согласовать их с самых ранних ступеней сознательной жизни заставляло человека придумывать различные средства для устранения несовершенств своей природы.

Мы уже видели, что инстинкт, контролирующий выбор пищи, даже у животных не в состоянии предохранить от потребления вредных веществ. С давних пор человек должен был убедиться в недостаточности инстинктов и пуститься в поиски более точных указаний для различения полезной пищи от способной вызывать заболевание и смерть. Для выработки известных правил ги-

гиены вся пронизательность первобытного человека должна была направляться на наблюдение за действием питательных веществ.

Воспроизводительная деятельность со своими многочисленными несовершенствами точно также с незапамятных времен привлекала внимание человека, впадавшего в ошибки при слепом повиновении инстинктам.

Инстинкт жизни и страх смерти лежали в основе побуждений первобытного человека в его искахии выхода из трудного положения, созданного дисгармониями его природы. Именно в интересах здоровья и жизни приходилось отыскивать полезную пищу и регулировать половое отправление.

С пробуждением разума человек судил о неизвестном по аналогии с тем, что ему было наиболее знакомо, т.-е. с самим собой. Вот почему он приписывал всем окружающим его предметам свойства и побуждения, присущие ему самому. По его мнению, не только все живые существа обладали волей и умом, но даже и неодушевленные тела способны были действовать подобно человеку.

Из этого первобытного понятия и возникло то, что *Тэйлор*¹⁾ назвал *анимизмом*, «этой основой философии религий диких рас и цивилизованных народов». Умирая, человек не вполне исчезает, а только превращается в новое состояние. Труп живет не так, как мы, но, тем не менее, он продолжает жить,—особенным образом, хотя и сходно с нами. Такое представление отвечало потребности сохранения жизни и боязни смерти, т.-е. полного исчезновения. Оно есть не что иное, как вера в бессмертие, или в будущую жизнь.

Анимизм—понятие весьма распространенное по всему земному шару. Очевидно, что оно служило самым действительным утешением при сознании неизбежности смерти вместе с величайшим желанием жить. «Это детское желание игнорировать смерть и убедить себя в том, что мертвые могут продолжать действовать попрежнему,—говорит *Тэйлор*,—естественно привело дикарей к тому, чтобы хоронить своих родных вместе с оружием, одеждой и украшениями, служившими им при жизни. По этой же причине до погребения мертвых снабжали пищей, вкладывали им в рот сигару и клали игрушки в гробы детей и т. д.»

¹⁾ «Первобытная культура». Русский перевод. 1878 г.

На несколько высшей стадии развития первобытный человек должен был переработать эту слепую фантазию в логическое рассуждение. «Когда человек умирает и душа его улетает из тела, для снабжения ее пищей, одеждой и оружием надо хоронить эти предметы с трупом или жечь их» (I. с., стр. 61).

Здесь излишне описывать все проявления анимизма первобытных дикарей. Более или менее явные следы его встречаются даже у большинства, если не у всех, наиболее цивилизованных народов. Большое число фактов, относящихся к этому вопросу, собрано в известных сочинениях *Тэйлора*, *Леббока* ¹⁾, *Вайц-Герланда* ²⁾. Мы ограничимся приведением некоторых наиболее характерных из них.

Туранские народы восточной Азии хоронят вместе со своими мертвецами разного рода орудия, каковы: топоры, кремни, и пищу (говядину, масло). Они убеждены, что все эти предметы необходимы покойному в его долгом путешествии в страну духов.

Тасманиец, спрошенный о том, зачем кладут копья в могилу, отвечал, как само по себе понятное: «да для того, чтобы уснувший мог употреблять их в битвах!»

Гренландцы кладут луки и другое оружие в могилы мужчин и ножи, иголки и разные швейные принадлежности—в могилы женщин: они убеждены, что предметы эти будут очень полезны на том свете.

В области Конго существует обычай проделывать отверстие в могиле, на месте, соответствующем рту или голове покойника, и ежемесячно вводить этим путем запасы твердой пищи и напитков.

Многие народы не довольствуются тем, чтобы класть возле мертвого одни неодушевленные предметы. Караибы, думая, что души умерших после смерти переходят в царство мертвых, убивают рабов на могиле вождей для того, чтобы они служили им в будущей жизни. С этою же целью они погребают собак и оружие. Негры Гвинейского побережья на похоронах знаменитых людей убивали нескольких женщин и рабов для того, чтобы они служили им на том свете. В то же время они погребали их лучшие одежды, позолоченные фетиши, кораллы и жемчуг для того, чтобы мертвый мог наряжаться во все эти драгоценности.

¹⁾ «Происхождение цивилизаций». Русский перевод.

²⁾ «Anthropologie der Naturvölker», 6 т., 1866—1872 г.г.

Тэйлор утверждает, что анимистические понятия общераспространены между «всеми дикарями без исключения» (стр. 75).

По *Герберту Спенсеру* ¹⁾, если не у всех, то почти у всех народов, племен, обществ, наций мы находим многочисленные доказательства существования смутных или определенных верований в воскресение двойников умершего. Предположение, что источником такого распространенного верования служит видение образа умерших во сне, вполне основательно. Эти сновидения принимают за души, остающиеся бессмертными и навещающие живых.

У всех цивилизованных народов встречаются обычаи, происхождение которых должно быть отнесено к далекому прошлому.

Так, испанцы в день годовщины смерти своих родных кладут на их могилы хлеб и вино.

Болгары чествуют своих мертвых в Вербное воскресенье. Они обильно едят и пьют, и оставляют на могилах остатки поминков, которые доедаются ночью умершими.

Сэн-флуа ²⁾ рассказывает, что в 1389 г. на похоронах Бертрана Дюгеклена в Сен-Дени было принесено в жертву несколько лошадей. Епископ Осерский благословил лошадей возложением рук на их головы, после чего они были убиты.

В 1781 г. ³⁾ на похоронах генерала Фредерика Казимира в Трире его лошадь вели за гробом, согласно обычаям тевтонского ордена. Когда труп генерала был опущен в могилу, то лошадь убили и похоронили в той же могиле.

В настоящее время у цивилизованных народов больше не приносят в жертву ни людей, ни даже животных. Но множество других обычаев, постоянно соблюдаемых во время похорон, определенно указывают на их анимистическое происхождение.

Таковы: кутья, которую ставят возле покойников в России, хвойные ветви, разбрасываемые вдоль всего пути похоронного шествия, венки из бессмертников или других цветов, играющие такую важную роль в наших похоронах; последний обычай имеет очень древнее происхождение. Он существовал у римлян

¹⁾ *Говард Коллинс*: «Свод философии *Герберта Спенсера*» (франц. пер., 1891 г., стр. 370).

²⁾ «*Essais historiques sur Paris*». Oeuvres complètes, Maestricht, 1778. Т. IV, p. 170.

³⁾ Цитата *Тэйлора*: «Первобытная культура», гл. XI.

и, по всей вероятности, символически представляет будущую жизнь в стране, полной цветов и роскошной растительности.

Вера в загробную жизнь, столь распространенная на всем земном шаре, очевидно послужила основой всем религиям. Мы не можем останавливаться здесь на подробном рассмотрении этого вопроса. Его изучение значительно превосходит размеры нашей задачи и требует гораздо более обширных сведений, чем наши. Достаточно установить очень важный факт, что у народов, живущих в различных областях нашей планеты, при самых разнообразных условиях внешней среды и культуры, имеется убеждение, что смерть не есть настоящий конец существования, а только переход от настоящей жизни к будущей. Тем не менее, в виду важности вопроса, невозможно удовлетвориться одним признанием этого факта, оставляя без рассмотрения некоторые возражения, выдвигаемые против всеобщности веры в загробную жизнь.

Многие настаивают на том, что в библейском изложении еврейской религии отсутствует представление о будущей жизни. Еще недавно *Гэжель* ¹⁾ повторил столь распространенное мнение, будто в древней наиболее чистой, еврейской религии не существует «веры в бессмертие души; ни в Пятикнижии, ни в более ранних книгах Ветхого завета, написанных до вавилонского пленения — нигде не находим мы представления о продолжении индивидуальной жизни после смерти».

Эти указания верны только до известной степени. Правда, что в книгах Моисея нет речи ни о будущей жизни, ни о рае и аде в обыкновенном смысле этих слов; но, тем не менее, древние евреи разделяли со столькими другими народами известное представление о переживании после смерти. «Подобно почти всем без исключения первобытным народам,—говорит *Ренан* ²⁾,— и иудеи верили в своего рода двойственность личности, в существование тени, представляющей бледный и нетелесный облик, который после смерти спускается под землю и там ведет грустный и мрачный образ жизни в темных покоях». «Мертвые жили там без сознания, без представлений, без воспоминаний, в мире без света, покинутые Богом». «Большинство... старалось запастись хорошим пристанищем, удобным ложем на время своего

1) «Die Welträthsel, 7-е издание, Bonn, 1901, p. 226.

2) «Histoire du peuple d'Israel», t. I, 1887, p. 128, 129.

пребывания у Рефаимов. Жизнь теней представлял себе, как протекающую в общении с предками, в разговорах и отдыхе вместе с ними».

Некоторые места Пятикнижия указывают на почитание предков, тесно связанное с представлением о загробной жизни. Так, Иаков, видя приближение смерти, призвал своих сыновей и завещал им похоронить его не в Египте, а вместе с отцами своими в пещере Ефрона хеттеанина.

По *Шантепи де ла Сосе* ¹⁾, «анимизм, и именно поклонение предкам, у израильтян, как и у большинства других народов, имеет гораздо большее значение, чем прежде думали».

Очень замечательно то, что представление будущей жизни, еще туманное в древне-еврейской религии, современем определялось все более и более. Так Иезекииль (VI века до Р. X.) рисует следующую картину будущих событий: «Иегова вдохнет жизнь в разбросанные кости мертвых» (*Шантепи де ла Сосе*, I, 300).

Мысль эта еще яснее развита в тех строках книги Даниила (II век до Р. X.), где он говорит, что «некоторые из спящих в земле проснутся для жизни вечной, а другие—для позора и вечного бесчестия». Приведя эти последние слова, Ренан ²⁾ прибавляет: «Ясно, что Израиль достиг крайнего предела своего векового стремления—царствия божьего, синонима будущего и воскресения. Чуждый понятию о самостоятельной душе, переживающей тело, Израиль не мог представлять себе будущую жизнь иначе, как воскрешая цельного человека». Позднее, в Талмуде, мысль о будущей жизни развита с большими подробностями. Рай представляется местом, наполненным чудными благоуханиями, ад же—нечистым местом, полным грязи и навоза. По Талмуду, «в загробной жизни нет ни пищи, ни питья. Праведные сидят с венками на головах и с восторгом созерцают бога».

В каббалистической философии евреи усвоили учение переселения душ «Гильгуль» и думали, что душа Адама перешла в Давида и позднее перейдет в Мессию. Некоторые людские души превращаются в души животных, в листья деревьев и даже в камни ³⁾.

¹⁾ «Lehrbuch der Religionsgeschichte». Freiburg, Leipzig, 2-е издание, 1897 г. т. I, стр. 253.

²⁾ «Histoire du peuple d'Israël», т. VI, 1893, стр. 327.

³⁾ *Тэйлор*: «Первобытная культура», II, стр. 92.

Итак, еврейская религия только с большими ограничениями может служить примером отсутствия представления о загробной жизни.

Религии, исповедуемые китайцами, также приводились как пример отсутствия представления о бессмертии.

Так, *Бюхнер* 1) в своей книге «Сила и материя», считавшейся материалистическим кодексом второй половины XIX века, утверждает, что «буддизм, эта выдающаяся религия, наиболее распространенная и одна из самых древних, насчитывающая в числе своих последователей около $\frac{1}{3}$ всех жителей земного шара, вполне игнорирует бессмертие души».

Положение это встречается также у Гэккеля в его «Загадках вселенной», книге, служащей сводом материалистических теорий конца XIX века. «Вера в бессмертие души,—говорит этот автор 2),—вполне отсутствует в большинстве восточных наиболее развитых религий. Мы не встречаем ее в буддизме, обнимающем еще и поныне 30% всего населения земли. Она также отсутствует в древней народной религии китайцев, а также и в религии Конфуция, ее заменившей».

Этот вопрос следует рассмотреть глубже. Вполне установлено, что основание древней религии китайцев заключается именно в очень сильно развитом поклонении предкам. Все важные события семьи происходят «в присутствии предков». Они—связь между живущими родными. Как и в других приведенных примерах анимизма и поклонения предкам, мертвым предлагают кушанья и окружают их полезными им предметами.

По *Ревилло* 3), «вообще китайцы допускают принцип личного бессмертия. Было бы совершенно непонятно, что могла бы явиться мысль предлагать настоящую пищу существам, на которых смотрели бы как на исчезнувших или возвратившихся в бессознательное «все».

Предлагая мертвым пищу, одежду, драгоценности, китайцы смотрят на загробную жизнь, «как на очень мало отличающуюся от той, которую ведут они сами на земле. Мертвые продолжают интересоваться теми же вещами и людьми, ими нравятся та же пища».

1) «Сила и материя», 6-е француз. изд., 1884 г., стр. 439.

2) «Die Welträthsel», 1901, p. 226.

3) «Histoire des religions», III. La religion chinoise. Paris, 1889, а также Chantepie de la Saussaye (l. c., стр. I, p. 58.)

С развитием идеи загробной жизни изменились также и обычаи. Вместо того, чтобы предлагать мертвым вещественные предметы, как это еще делается у столь многих народов, китайцы предлагают им одни символы: «бумажные дома, материн, провизию, куклы, представляющие рабов; но все это—бумажное или соломенное—сжигают для того, чтобы в нематериальной форме это дошло до чествуемого таким образом духа» (*Ревилль*, I. с., стр. 191).

Одной из главных причин поклонения предкам служит боязнь, чтобы «мертвые, недовольные тем, что их забывают, не выказали живым своего негодования, посылая им болезни и разорение» (I с., стр. 195).

Поклонение мертвым пустило такие глубокие корни у китайцев, что даже сам Конфуций, несмотря на свое умственное развитие и свой скептицизм, должен был заплатить ему обильную дань. «Мудрый Конфуций, — говорит *Ревилль*, — считал долгом приносить в жертву своим предкам мясо, которое посылали ему владыки, чествуя его» (I. с., стр. 185).

Конфуций и его последователи выражались относительно будущей жизни с большою сдержанностью и двусмысленностью, что не мешало им «точно следовать обычаям и обрядам, предполагавшим полнейшую веру в будущую жизнь человеческой личности» (стр. 187).

Если сам Лао-Тзе не верил ни в рай, ни в ад и исповедовал даже очень рационалистические идеи, то последователи его, тем не менее, верили в бессмертные души и даже, в конце-концов, приняли учение о посмертной награде и наказании по заслугам.

Приверженцы Лао-Тзе, таоисты, совершенно исключительным образом интересовались вопросом о бессмертии. Прежде всего надо было найти напиток бессмертия, способный продлить до бесконечности земную жизнь. «Одна из главнейших претензий таоизма, — говорит *А. Ревилль*, — состоит в обладании тайной бессмертия. Правда, что получить ее очень трудно, но еще труднее ее применить. Однако, следуя известным указаниям, можно, по крайней мере, получить патент на долголетие. Только совершенные таоисты достигают той нравственной высоты, которая открывает им переход в высший мир без болезни и смерти» (I. с., стр. 450).

Так, некоторые учителя таоизма вознеслись живыми на небо: Шанг-Тао-Линг «подвнялся на высокую горную вершину и исчез в небе» (id., стр. 444).

Современные таоисты вполне приняли идею бессмертия души. «Они признают вполне приспособленное чистилище, к форме которого Лао-Тзе пришел расширением и распространением на всех людей уже близкой ему идеи последовательного переселения одной и той же души через ряд тел. Эти очистительные переходы ведут к тому бессмертию, которым обладают гении и блаженные, если такое бессмертие еще не достигнуто святостью земной жизни» (id., стр. 469).

Долго думали, что таоисты, по примеру своего основателя, не признают ада. Но пришлось изменить это мнение, тем более, что «таоистское духовенство придумало изображать в своих храмах, посвященных божествам, покровителям различных городов, мучения, предназначенные грешникам десятью судилищами, скрытыми на дне океана, таящегося в недрах земли» (id., стр. 470).

Итак, множество китайцев-конфуцианцев и таоистов верят в загробную жизнь.

Буддистам в особенности приписывают отрицание бессмертия души. Будда признавал браминское верование в переселение душ. Об этом свидетельствуют многие документы, выдержавшие строгую критику. Относительно бессмертия души православный буддизм высказывается ясно. Сам Будда избегает окончательного решения этого вопроса. При таких условиях «души, со страхом взиравшие на небытие и которые не могли отказаться от ожидания вечного блаженства, должны были по-своему толковать молчание Будды и заключать, что им не воспрещена надежда» ¹⁾.

Вот каким образом старались буддийские учителя обойти прямую постановку этого трудного вопроса. Король Посемади встретил однажды известную своею мудростью последовательницу Будды, монахиню Кемп. Король спросил ее: «Существуют ли Совершенный (Будда) после смерти?»—«Божественный, о великий король, не дал откровения о существовании Совершенного после смерти».—«Итак, о почтенная, Совершенный не существует и после смерти?»—«Этого также не открыл Божественный, о ве-

¹⁾ Oldenburg: «Le Bouddha». Trad. par. Foucher. Paris, 1894, p. 281.

ликий король!»—«Итак, о почтенная, Совершенный одновременно существует и не существует после смерти? Итак, о почтенная, Совершенный ни существует и ни не существует после смерти?» (Oldenburg, I. c., p. 281).

Вот каким образом Сумермит, «сын Бога, окруженный и предшествуемый толпой богов», восхвалял Будду (Татагата): «Ты искусный врач, дающий счастье бессмертия»¹⁾.

Легко понять, что, за отсутствием строго определенных указаний, буддисты не замедлили последовать своему влечению и признали в принципе загробную жизнь.

Итак, «буддизм вовсе не проповедует, как это легкомысленно утверждают в настоящее время, уничтожение души человека после смерти. Напротив: того, он так убежден в естественном переживании души, что только по отношению к немногим избранным допускает, как особое преимущество, возможность нарушить непрерывающуюся цепь жизни» (*A. Ревильль*, I. c., стр. 575).

Верные основным началам своей древней религии, китайские буддисты продолжали поклоняться своим предкам и искать наилучшего пути для достижения бессмертия. Поэтому они не замедлили превратить Нирвану в рай и распространить в китайском народе идею о посмертном возмездии. «Буддистские монастыри в Китае обыкновенно заключают целый ряд маленьких келий, в которых яркими красками изображены сцены, наполняющие 18 адов стенами и воплями. Потому что под землей находится восемь адов, в которых жара невыносима, и десять, в которых холод не менее ужасен» (*A. Ревильль*, I. c., стр. 556).

Рай китайских буддистов Ни-Пан (страна чистоты)—место, заключающее множество золота, серебра и драгоценных камней. Прелестные места для прогулок омываются хрустальными водами, текущими по золотому песку, покрытому чудными цветами лотоса. Там вечно звучит дивная музыка. Три раза в день падает цветочный дождь. Каждые четыре часа чудные птицы, фазаны и другие, хором воспевают красоты религии и напоминают своим слушателям о Будде, Дарму и Сангу... Таковы чудеса, ожидающие тех, которые возродятся после смерти. Там нет греха и нет ничего дурного» (*ibid.*, стр. 525).

¹⁾ «Lalita Vistara», I. c., p. 303.

Бесполезно входить в большие подробности, чтобы доказать ложность мнения, будто треть человечества следует материалистическому мировоззрению, в котором нет места для идеи о загробной жизни; наоборот, совершенно ясно, что значительное большинство людей убеждено, что смерть не есть полное окончание существования, и часто настоящая жизнь представляется только переходною ступенью к будущей. Но в то время, как многие первобытные народы считают последнюю простым продолжением земной жизни, народы с более утонченными идеями представляют себе будущую жизнь полной наслаждений для праведных и мучений для грешников.

Эта идея будущей жизни, столь распространенная по всему земному шару, по всей вероятности, легла в основу религий. Она должна была дать начало представлению о высших существах, о божествах. Действительно, многие факты указывают на то, что первичные боги были не что иное, как умершие родичи и предки, живущие на том свете и управляющие оттуда земными делами. Злые предки превращаются в злых духов, а добрые выполняют роль благодетельных и доброжелательных богов.

Очень многие народы молятся предкам и считают их более или менее божествами. Кафры приносят жертвы и молятся своим умершим родным. Они думают, что души умерших посещают свои прежние жилища и, сообразно со своим характером, помогают или вредят живым. Будучи способными на добро и зло после смерти, эти умершие родные еще не могут считаться настоящими божествами. Но, как говорит *Леббок*¹⁾, не следует упускать из виду, что «бог дикаря—существо, мало отличающееся по своей природе от него самого, разве только несколько могущественнее его». Мы увидим, что между умершими родными, злодеяний которых боятся или о милостях которых умоляют, и между различного рода божествами существует целая гамма промежуточных ступеней.

Индейцы Северной Америки умоляют духов своих предков ниспослать им хорошую погоду или удачную охоту. Они думают, что если индеец погибает от огня, то это происходит исключительно потому, что духи предков наказывают его за небрежное исполнение обрядов и жертвоприношений.

¹⁾ «Origine de la civilisation». Франц. пер., стр. 261.

Начэсы Луизианы пошли еще дальше: они строят храмы в память своих мертвых (*Тэйлор*, I. с., II, стр. 182). В Полинезии, в Танне «души умерших предков почитаются как боги: старые вожди после смерти становятся божествами, управляющими жатвой и сбором плодов. Туземцы молятся им и приносят им в жертву первые плоды» (id., стр. 182).

Островитяне Малайского архипелага молят духов своих предков о счастье и помощи в бедствиях.

Почитание мертвых очень развито в Африке. Зулусы совершают свои победы при помощи «аматонгов» или духов предков. «Даже малые дети и старухи, не играющие никакой роли при жизни, после смерти становятся могущественными духами. Дети становятся добрыми духами; старухи—творящими одно зло. Но особенным почитанием семьи пользуется ее умерший глава» (id., стр. 185). Зулус боготворит отца—своего главу—и к нему обращается в начале и в конце молитвы. Помня его любовь и ласки, он убежден, что отец не оставит его и после смерти. Эту идею обоготворения предков зулусы распространяют до первого родоначальника людей и создателя мира, до первого «ункулункулу» (id., стр. 184).

Нет возможности привести здесь все примеры,—до того они многочисленны. По существу они сходны и отличаются только во второстепенных, очень разнообразных подробностях.

Представление о будущей жизни в виде бессмертия или иных понятий, связанных с идеей много или единобожия, развилось вследствие потребности жить и противодействовать страху смерти, т.-е. для борьбы с величайшим разладом человеческой природы.

Поэтому нам следует рассмотреть, в какой мере различные религии достигли этой цели.

Многие первобытные народы буквально понимают религиозное учение о бессмертии и смотрят на обещание загробной жизни, как на неопровержимую истину. Так, туземцы острова Фиджи убеждены, «что они возродятся в ином мире в том же точно виде, в котором они покинули землю; поэтому они желают умереть раньше наступления какой бы то ни было болезни». И так как очень трудно достигнуть старости без болезни или какой-нибудь немощи, то «как только человек чувствует приближение старости, он предупреждает своих детей, что ему пора умирать. Если же он не говорит этого, то дети сами предупре-

ждают его. Собирают семейный совет, назначают день и роют могилы. Старик делает выбор между удушением и погребением «заживо».

Следующий пример показывает, до какой степени может доходить вера в будущую жизнь. Молодой фиджиец однажды пришел к английскому путешественнику *Генту* для того, чтобы пригласить его на похороны своей матери. *Гент* принял приглашение и присоединился к похоронному шествию.

Удивленный отсутствием трупа, он спрашивает об этом молодого человека. Последний «указал ему на свою мать, идущую среди них столь же веселой и спокойной, как и все присутствующие. *Гент* выразил юноше свое удивление и спросил его, как он мог его обмануть, сказавши, что мать умерла, в то время как она жива и здорова. Ответом было, что только что совершилось похоронное пиршество и что теперь будут ее хоронить, что она старая, что он решил вместе с братом, что она достаточно пожила и что пора ее убить, на что она согласилась с удовольствием»¹⁾.

Приведенный пример не исключителен. Известны целые города с несколькими сотнями жителей, между которыми не было людей старше 40 лет, потому что все старики были погребены. Легко понять, что при такой ревностной вере люди могут не бояться смерти.

По *Скулькрафту*²⁾, индейцы Северной Америки очень мало боятся смерти. «Они не боятся перейти в страну, полную непрерывных наслаждений, в которой, как им приходилось постоянно слышать, нет ни горя, ни печали».

Мне самому знаком пример православной девочки, которая была так убеждена в блаженстве рая, что во время серьезной болезни с нетерпением ожидала смерти. Перед смертью она уверяла, что уже видит чудные цветы и слышит дивное пение райских птиц.

Но такая беспредельная вера исключительна. Всего чаще она недостаточна для того, чтобы уничтожить страх смерти, как это доказывает множество примеров.

У одних только фанатиков, несложных и первобытных натур слепая вера может победить инстинктивное чувство страха

¹⁾ Lubbock, l. c., p. 372.

²⁾ Цитата, приведенная Лэббоком, l. c., стр. 374.

смерти. Вот почему с древнейших времен религии старались найти, помимо иллюзии будущей райской жизни, другие средства для ослабления главного разногласия в человеческой природе. В этом отношении, с нашей точки зрения, наиболее интересно учение Будды. Я не имею при этом в виду того измененного и переделанного буддизма, о котором выше шла речь и который вернулся к представлению загробной жизни, страшного ада и рая, полного наслаждений.

Будда не увлекался никакими иллюзиями относительно великого зла человеческого существования. Его учение в своем первоначальном виде было чрезвычайно пессимистично. Вот что говорил он по этому поводу: «Несомненно, несчастен этот мир, созданный, рождающийся, стареющий, умирающий, исчезающий и вновь появляющийся. Но нам не известен способ, как выйти из этого мира, который есть не что иное, как громадное скопление страданий. Старость, болезнь, смерть и остальное,—увы!—то, что может положить предел этому миру—одному громадному скоплению страданий,—того мы не знаем! Предел всему, что происходит от старости, болезни, смерти и остального!»¹⁾

Встречи, о которых шла речь в предыдущей главе, внушили Будде следующие размышления: «Горе юности, подтачиваемой старостью! Горе здоровью, разрушаемому разными болезнями! Горе кратковременной человеческой жизни! Горе притягательной силе наслаждений, соблазняющих сердце мудреца! Если бы не было ни старости, ни болезни, ни смерти с тем великим страданием, которое вытекает из пяти элементов существования (скандас)! Если бы не было ни старости, ни болезни и смерти, всегда связанных друг с другом! Хорошо! Вернувшись назад, я стану размышлять об освобождении!» (ib., стр. 170).

После долгих дум об этих вопросах Будда предположил, что ему удалось разрешить задачу проповедью полного смирения. В молодости он просил отца: «Я желаю, властитель, чтобы старость никогда не овладела мной и чтобы я не потерял ярких красок молодости; да буду я всегда здоровым и болезнь да не постигнет меня; да будет жизнь моя бесгранична, и да не наступит смерть»²⁾. Позднее ему пришлось отказаться от всех этих требований.

¹⁾ «Lalita Vistara», p. 289.

²⁾ «Lalita Vistara», p. 176.

В своей знаменитой бенаресской проповеди Будда следующим образом резюмирует главные положения своего учения: «Вот, о монахи, святая истина о происхождении страдания: это — жажда бытия, ведущая от перерождения к перерождению, сопутствуемая наслаждением и желанием, находящим там и сям свое удовлетворение: жажда наслаждения, жажда бытия, жажда могущества».

«Вот, о монахи, святая истина о подавлении страдания: погашение этой жажды полным уничтожением желания, упразднением желания, отказом от него, освобождением от него, вытеснением его» ¹⁾.

Под влиянием этого духа смирения Будда постригся в монахи и жил, строго следуя начертанным им правилам непорочности («непорочная вера, непорочная воля, непорочная речь, непорочные действия, непорочные средства существования, непорочные применения, непорочное внимание, непорочное размышление»).

Однако не много нашлось людей, стоящих на такой высоте и имеющих силу оставаться верными этим правилам. Вследствие этого буддизм вскоре отделился от своих первоначальных основ и стал обыденным религиозным учением.

С идеей буддизма неизбежно связано представление о Нирване, так как предполагают, что это именно и есть та настоящая цель, к которой должна стремиться человеческая жизнь. Многие философы, особенно нессимисты с *Шопенгауэром* во главе, признали Нирвану высшею целью существования даже с точки зрения их собственного мирозерцания. Но идею Нирваны объясняли очень различно. Это тем более понятно, что лучшие санскритологи еще не пришли к соглашению относительно значения этого слова.

Я не хочу вмешиваться в эти споры, так как не обладаю главным орудием — знанием санскритского языка. Но, с другой стороны, я не в праве и умолчать об этом существенном вопросе под предлогом, что он не окончательно решен специалистами, — тем более, что для многих мыслителей Нирвана представляется настоящею целью человеческого существования.

Долгое время считали Нирвану родом небытия, в котором нет никаких проявлений психического порядка. Знаменитый

¹⁾ Oldenburg, p. 214.

оксфордский санскритолог Макс Мюллер ¹⁾ восстал против этого воззрения. Он указал на то, что во всех местах буддистских источников, в которых упоминается о Нирване, она имеет смысл не уничтожения. Большая часть таких мест осталась бы даже совершенно непонятной, если бы слово уничтожение было упреждено вместо «Нирваны».

Это мнение разделяют и многие другие специалисты, не допускающие, чтобы целью религиозной жизни могло быть полное уничтожение. Так, *Рис Давидс* ²⁾ думает, что Нирвана соответствует душевному покою, которого можно достичь во время земной жизни, и что это понятие можно перевести словом «святость». По его мнению, Нирвану никоим образом нельзя понимать в смысле небытия или уничтожения, а скорее как отсутствие сильных страстей, каковы зависть, ненависть и пр.

Пфунгст ³⁾ присоединяется к мнению Макса Мюллера; он также убежден в том, что «первоначальные последователи Будды никоим образом не могли признать Нирвану уничтожением». *Дульманн* ⁴⁾, наоборот, старается доказать, что Нирвана буддистов все же может означать отрицание желания бытия, г.-е. полное уничтожение.

Следует однако сказать, что Нирвана не играет в буддизме столь существенной роли, как утверждают это некоторые толкователи. Недаром в некоторых буддийских источниках о Нирване упоминается только вскользь. Так, в «Лалита Вистара» слово это приводится только очень редко и не представляет при этом особенного значения. Но в этом же документе мы находим несколько данных, способных осветить вопрос о том, что такое Нирвана.

Когда молодой Будда, еще полный желаний, просил отца даровать ему вечную молодость, здоровье, беспредельную жизнь и отсутствие смерти, он прибавил следующие слова: «Если вы не дадите мне этих четырех даров, владыка, выслушайте, какой еще другой дар я желаю: да не будет для меня переселения души, когда кончится эта жизнь!» («Лалита Вистара», стр. 176).

Как уже было упомянуто, буддизм принял браминское учение о переселении душ. По преданию, прежде чем стать владыкой, Будда прошел через сотни различных состояний. Душа его не

¹⁾ «Buddhagosas Parables», p. XII.

²⁾ «Der Buddhismus», p. 119 (немецкий перевод).

³⁾ «Das freie Wort», 5 янв. 1902, № 19, стр. 603—607.

⁴⁾ «Nirvāna». Berlin, 1896.

только прошла через 58 королей, но пробыла в 18 обезьянах, 4 лошадях, 4 змеях, 3 ящерицах, 2 рыбах и т. д. ¹⁾ Эти вечные переходы души через столько различных тел должны были сильно смущать и занимать верующих. Поэтому совершенно естественно, что такой мыслитель, как Будда, возымел желание отделаться и освободить других верующих от стольких переселений. Он смотрел на эти вечные перерождения как на великое зло, от которого можно избавиться непорочностью жизни (*Рис Давидс* I. с., стр. 132).

Картинный язык индусов сравнивал переселение душ с океаном. Ежеминутно сменяющиеся волны должны были изображать в этой метафоре постоянные рождения; пена гребней волн соответствовала нашему переходящему телу, а другой берег являлся Нирваной. «Тот, кто достигнет Нирваны, больше не вернется в Великий океан Сансары» (*ibid.*, стр. 145). В одной цитате, приведенной *Рисом Давидсом* (I. с., стр. 118, прим. 4) из Кама Сутта, определенно говорится, что «море представляет переселение душ или Сансары, Нирвана же—остров. Достигнув его берега, можно быть уверенным, что не будешь больше сброшен в волны океана для последовательных возрождений метемпсихозы».

Другими словами, чтобы избежать после смерти страданий, соединенных с постоянными, часто нежелательными перерождениями, надо вести непорочную жизнь, и тогда будут обеспечены покой или Нирвана. Последняя, следовательно, не есть полное отрицание всякого психического состояния, а только отрицание переселения души. С этой точки зрения легко объяснить все или почти все места, в которых идет речь о Нирване.

Когда Будда в старости, пораженный тяжелой и мучительной болезнью, был близок к смерти, он подумал о своих учениках и сказал им: «Не следует мне войти в Нирвану, не поговоривши с заботившимися обо мне, с общиной моих учеников. Силой воли хочу я превозмочь эту болезнь и удержать в себе жизнь».

Через некоторое время благочестивейший Аманда отправился к Будде и сказал ему, между прочим, следующие слова: «Дивный не войдет в Нирвану до тех пор, пока он не выскажет свою волю относительно общины учеников».

¹⁾ Spence Hardy: «A Manuel of Buddhism». London, 1853, стр. 103.

Все более и более слабея, дух Будды восходит от экстаза к экстазу, беспредельно, по всем ступеням восторга; затем он вошел в Нирвану. И земля задрожала, и гром загремел ¹⁾).

Очевидно, что здесь Нирвана употребляется в смысле состояния, соответствующего смерти. Но это—смерть святого, прошедшего непорочную жизнь. Он будет избавлен от метемпсихоза и будет наслаждаться душевным покоем. По всей вероятности, позднее то же слово Нирвана применялось к душевному состоянию того, кто, благодаря своему непорочному существованию, был еще при жизни уверен, что избежит переселения души после смерти.

Так как смысл Нирвана состоит, главным образом, в противопоставлении переселению душ, то легко понять, почему не определялось, какому душевному состоянию она соответствует.

Но, судя по всем данным, касающимся буддийской религии, совершенно невероятно, чтобы речь шла о полном уничтожении. В этом отношении всего основательнее мнение Макса Мюллера.

Итак, Будда предполагал, что людские страдания могут быть исцелены отречением от всех жизненных наслаждений и полным смирением. Один тот факт, что первоначальный буддизм не удержался и быстро переродился в обыденную религию, сходную со многими другими верованиями,—одно это доказывает, что Будда не достиг цели. Обещание вечной жизни одно соблазнило массу и послужило распространению буддизма на такие громадные пространства.

Кроме своей главной задачи, утешения человечества в виду неизбежности смерти, религии касаются и некоторых других вопросов, вытекающих из дисгармонии в человеческой природе.

Во все времена они стремились к регулированию деятельности органов пищеварения и воспроизведения, а также к предупреждению и лечению разных болезней.

Всем известно сильное влияние религий на выбор и на приготовление пищи. Еще и до сих пор многие народы сохранили кулинарные обычаи, предписанные правилами религии. Так, у евреев пища определена моисеевым законом, который входит

¹⁾ Oldenburg, l. c., стр. 200—206.

даже в подробности стряпни. Он запрещал употреблять в пищу кровь животных. Вот что повелевает Моисей: «Ты можешь вволю убивать и употреблять мясо животного, в каком бы городе ты ни жил, по благословию Господа Бога твоего. Как оскверненный, так и чистый может есть его, как дикую козу или оленя. Только крови не вкушайте; выливайте ее на землю, как воду». И далее: «Остерегайся только есть кровь этих животных, потому что кровь—их душа, чтобы не съесть душу с мясом». «Не ешь ее, дабы быть счастливым тебе и детям твоим после тебя, если ты совершишь по воле Господа Бога твоего и как он находит должным».

Книги Моисея заключают также правила приготовления некоторых блюд. «Не ешь ничего недопеченного или вареного в воде, но жарь его (ягненка или козленка) на огне с головой, ногами и внутренностями».

Думали, что эти правила были вызваны известными гигиеническими понятиями, будто бы согласными с выводами современной науки.

Правда, что некоторые правила, как, например, запрещение есть недоваренное мясо, вполне подтверждаются современным знанием.

Но большинство Моисеевых законов, как, например, запрещение крови, зайца, свинины и многого другого находится в полном противоречии с рациональной гигиеной.

Поэтому приготовление пищи по указаниям религии имеет исключительно исторический интерес.

Религии много занимались также и воспроизводительной деятельностью человека. Большинство основателей религии должны были сильно чувствовать разлад в этой области человеческой природы. Это приводило их к воздержанию, которому они следовали сами и которое проповедывали другим. *Будда* после молодости, в которой он испытал все радости, никогда не находя в них удовлетворения, перешел к полному воздержанию.

Он и его последователи, принявшие монашеское звание, должны были совершенно отказаться от женщины. Половое сближение, совершенное таким лицом, ставилось на одну доску с кражей и убийством и служило поводом для бесповоротного исключения из монашеского звания. Даже в буддийских правилах, относящихся к светским членам, запрещалось «предаваться

внебрачным половым сношениям, потому что в них заключается нечто низменное»¹⁾).

Всем известно мнение христианской религии относительно воспроизводительной деятельности. Учителя христианства воздерживались от нее и учили тому же других. Св. Павел часто подтверждает свое воздержание: «Я желал бы,—говорит он,—чтобы все следовали моему примеру; но каждый получил от Бога свой особенный дар, каждый по-своему. Поэтому я говорю неженатым и вдовам, что лучше им оставаться, как я; но если они не могут воздержаться, пусть вступают в брак, потому что это лучше, чем разжигаться».

У диких народов религия также сильно вмешивается в сферу воспроизводительной деятельности.

По этому поводу следует упомянуть об одном из самых своеобразных верований, встречаемых у туземцев Сандвичевых островов: это—поклонение божеству выкидышей. Божество это изображается в виде удлиненного деревянного инструмента, известного под именем Капо. Верхняя часть его имеет вид чудовищной головы божества, нижняя же удлинена и заострена. Ее вводят в матку для прободания зародышевых оболочек, чем и вызывается выкидыш²⁾).

Множество других идолов служат дикарям для предохранения от болезней. *Бартельс*³⁾ описывает в своей книге о медицине первобытных народов целую коллекцию талисманов, служащих для этой цели.

Главная идея, вызвавшая производство этих амулетов, основана на том убеждении, что болезни—дело злых духов, которых следует по возможности отстранять.

Сибирские голды делают соломенные изображения животных и деревянные чучела для внедрения в них злых гениев болезней. Гиляки делают деревянную человеческую куклу с изображением жабы на груди. Этот талисман употребляется как средство против болезней груди и живота.

Однако и в более развитых религиях встречаются остатки этих первобытных идей и обычаев. Еще *Лютер* признавал про-

¹⁾ Rhis Davids: «Der Buddhismus», p. 147.

²⁾ Ploss: «Das Weib», I, стр. 859.

³⁾ «Die Medicin der Naturvölker». Leipzig, 1893, стр. 225.

